

Праздник Победы. Всегда веселый, солнечный, волнующий... Наша радость и боль, наша память и гордость. По-разному осмысливают его разные поколения советских людей. Сегодня мы предлагаем читателям творчество «магнитовцев», попытавшихся взглянуть со стороны на это большое, незабываемое и славное — нашу Победу.

БЕДА долго выжидает, а набрасывается, как тот коршун... Так случилось и с Недогоновым. Здесь, на Эльбе, после встречи с американцами, война, можно сказать, закончилась, а у капитана открылась старая рана. Он наугад, что заметят его хромоту и отправят в госпиталь, позвал старшину Есипова и показал больное бедро.

Тот осмотрел рану, подергал себя за седой ус, перевязал капитана и сказал, что нужно попариться с одной травкой, да не знает, растет ли она у немцев.

Целый день бродил Есипов по берегу Эльбы, излазил все овраги в окрестностях городка и нашел-таки целебную траву.

Анатолий ЗАНИН

В КОНЦЕ ВОЙНЫ

◆ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Недогонов попарился, а к утру боль в бедре как-то незаметно прошла, и рана затянулась тонкой розовой кожей. Капитан подкрутил усы, взял в руки аккордеон, который нашелся в этом брошенном хозяином доме, и попросил старшину спеть про молодого казачину, едущего с войны домой, к жене, детишкам, и к Дону Ивановичу.

И тут Недогонова вызывает командир полка и представляет американца Дина Стовера, того самого капитана, с которым они хлебнули виски из одной фляги при встрече несколько дней назад. Тот приглашал русского капитана к себе, на ту сторону, и приехал за ним на «виллисе».

— Поезжай, капитан, — разрешил подполковник и угостил американца «Беломором». — Ты хоть по английски мало-мало понимаешь?

Недогонов взял с собой старшину Есипова. Вот он понимал по-английски. На все вопросы Стовера отвечал: «Гуд бай».

Стовер рассмеялся и погнал «виллис» к длиннейшему деревянному мосту, возведенному американцами за одну неделю из многометровых плах, привезенных из-за океана.

На той стороне моста двое солдат играли в кости, сидя на башне, сорванной взрывом с немецкого танка. В городке с домами из красного кирпича и с островерхими крышами бродили немцы. Недогонов увидел даже двух офицеров, тащивших ручные пулеметы и автоматы. Другие немцы, солдаты в обтрепанных грязных кителях, несли подмышками фауст-патроны. Всех их сопровождал один негр с автоматом. Немцы собирали брошенное оружие и складывали его в огромный штабель на площади.

Из окон дома, у которого Стовер остановил «виллис», выбрасывали матрацы и подушки. Недогонов спросил, что здесь происходит? Спросил по-немецки. Он кое-что знал со школы, и ему уже приходилось объясняться с местными жителями. Стовер обрадованно закивал головой и тоже ответил по-немецки. И так с помощью рук, подмигиваниями, мотанием головой пожиманием плеч и немногих слов они добились взаимопонимания.

Стовер показал на окна, из которых летели каструли и детские игрушки, замахал руками, сделал свирепое лицо и Недогонов понял его примерно так: он, Стовер, со своим штабом хочет перебраться в этот дом, вот его и освобождают от жителей.

Анатолий ЗАНИН

В КОНЦЕ ВОЙНЫ

◆ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

И нечего их жалеть, все равно немцы — враги и фашисты.

Недогонов лишь пожал плечами.

Они завернули в боковую улицу, въехали в ворота какого-то парка и помчались по аллее, обсаженной вековыми липами. Остановились на берегу Эльбы у деревянного павильона с огромной открытой верандой, на которой за столами пировали американцы.

Стовер жестом пригласил Недогонова и Есипова в павильон, усадил за стол, и два солдата-негра принесли бутылки с виски и банки с тушонкой.

Недогонов заметил, что за некоторыми столами в обнимку с солдатами сидели молодые немки.

Не успели они и закутить после первой рюмки, как сбоку от них распахнулась дверь и вбежала девушка в черной юбке, белой кофточке и в синем жакете. Она была худой, большеглазой, возбужденной. Увидев Недогонова и Есипова, девушка метнулась к ним, обняла за плечи.

— Господи, вы русские? Русские, да? Скажите хоть слово... Вон какие у вас погоны... и медали. А мы тут табором. Узнали, что наши подходят и пошли к Эльбе. А вас на улице увидела... А что это за звездочки на погонах?

— Как Вас зовут? — спросил девушку капитан. — Галей? Меня Иваном. А это старшина Есипов Сергей Николаевич. Я по званию капитан. Много здесь советских людей?

— По всей неметчине много, а нас сто двенадцать человек. Одни женщины. У фермеров работали. Товарищ капитан, как бы на ту сто-

рону? Американцы что-то тянут... не пускают.

— Как не пускают? Садись, Галей, садись вот сюда, — капитан подвинулся. — Ты по-немецки говоришь? А ну-ка переведи...

Стовер выслушал Галю и не сразу ответил. Он налил всем виски и подождал, когда выпьют.

— Я не комендант, но могу... Подходите все к мосту, Галей... Через час мы подведем.

Галей, радостная, убежала. Недогонов всмотрелся в американца и только сейчас заметил, что тот был немолод. Густая седина пробивалась в русых волосах, морщины избородили лицо, но когда он смеялся, светлые глаза и сверкающие зубы скрывали годы. Он был сыном фермера, но сам работал на заводе механиком. Когда компания обанкротилась и завод закрылся, завербовался в армию, а потом началась война.

Репатрированные русские женщины переправались через Эльбу под вечер. Недогонов придержал последнюю повозку с вещами и распрощался со Стовером.

— Переведи, Галей, — попросил капитан девушку, — и скажи, что он хороший человек. Приезжай в Россию, Дин.

— О, Россия, — засмеялся Дин Стовер. — Гуд бай, гуд бай, Ваня.

А ночью в городе поднялась палба. Прибежал старшина Есипов и закричал:

— Конец войне-е-е!

Рана у Недогонова так и не затянулась. Пришлось ложиться в госпиталь. Там его подлечили и демобилизовали. Перед отъездом на Родину капитан отпросился съездить в Берлин и в рейхстаге случайно встретил капитана Стовера. Он тоже собрался домой, но его не демобилизовали, а разжаловали. За тех русских женщин, которых он отпустил из американской зоны без разрешения коменданта.

— Странное дело, — задумчиво проговорил Стовер, когда они поднялись на второй этаж по той лестнице, по которой Егоров и Кантария несли Знамя Победы, — в нашей зоне появились лагеря для репатрированных. В них много русских. Я не понимаю, почему их не отпускают домой...

— Что же неонятного, Дин? — сказал Недогонов. — В американскую зону убежало много фашистских преступников, а много ли их арестовано?

— Я не политик, Ваня. Я солдат... Был солдат, а теперь не знаю...

ГОРЯЧИЕ ЗВЕЗДЫ

Александр ПАВЛОВ

Спят переулки, палисады.
А он куражится в тиши.
И нету никакого сладу,
хоть кол на голове теши.
А под лунной седые избы
полночным полнятся теплом.
Забилась птица под карнизы
и с перепуга бьет крылом.
Уже туман поводья свесил.
Посторонись, ночная весель!
Вовсю гуляет сельский слесарь,
Победу праздновавший днесь.
От пустоты седой и длинной
и тяжелой памяти избавь!
За ним с околицы пустынной
следит запущенно изба.
Качайся, улица, под комель,
гуляй, беспамятствуй, Семен!
Ты до сих пор еще не понял,
что врос в планету батальон.
Что навека в степи кровавой
он врезал свой последний круг,
в котором занемели травы,
и нет смертей,
и нет разлук.

НАДПИСЬ

Подкошено валились листья
в атаке осени слепой...
И вот тогда-то поднялись вы
над коченелю тропой.
В рубашках русских и суровых,
в разлете глеющей листвы,
в строю простреленного слова,
в рельефе слова «Из-Москвы».
Был бой жесток и непосилен
в багровых вмятинах земли,
как будто здесь со всей России
дожди и ветры полегли.
Я убежал, я долго ехал,
но вслед, распарывая вьсь,
взрывалось каменное эхо,
и ветви голые тряслись.

В ОБЩЕЖИТИИ

Осенний сад.
На ветках — солнце.
и яблоки по кулаку.
Как будто бы янтарный стронций
художник выплеснул в оконце
и целый мир вогнал в тоску.
А у земли светло и тихо.
Девчонка в мире тишины
идет, и солнечные вихри
в ее глазах обнажены...
— Проснись!

Ведь нынче День победы!
Уж много лет, как нет войны...
Грешно валяться до обеда —
мы праздник праздновать должны
Эх, тетя Дуся, тетя Дуся...
Надень с медалями пиджак!
Да строго в туфельки обуяйся,
да походи по этажам!
Пусть кто-то вскрикнет на рассвете,
пусть кто-то выдохнет вослед:
и правда, столько лет Побед,
ведь надо ж — тридцать
с лишним лет!

НОКТЮРН

По белым проспектам
зеленые сумерки ходят,
вдоль берега весело
мчится девочка босая.
Гитара и скрипка
задумчиво песню выводят...
И лица погибших
беззвучно кричат из базальта.
Вы слышите, люди,
звучат онемевшие лица?..
Можно оглохнуть —
безмолвно гудят монументы.
На белых проспектах
холодному камню не спится,
как будто стоит он
на бьющемся пульсе планеты.

Солдат

Серый камень плаща...
Он глядит за распадок синий,
где летят, трепеща,
журавли над Россией.
Распускаясь луг,
снова роща зеленою стала.
Все ему недосуг
сойти с пьедестала.
Худоцав, камнелиц,
в прикипевшей навек пилотке,
засмотрелся на птиц,
пролетающих клином коротким.
Сколько вас на земле
батальонами встало немymi,
в неостывшей золе,
в обжигающей душу пустыне?
Сколько замерло вас,
неподвластных уже перекличке,
не ушедших в запас,
не меняющих звезды и лычки?
Серый камень плаща,
только взгляд за распадок синий...
Камнелиц, худоцав,
он стоит над Россией.

Эвальд РИБ.

Артистам Магнитогорской
хоровой капеллы
посвящается.

НАШИ ПЕСНИ

Грустили мы, артисты,
в военные года —
не петь, а бить фашистов
хотелось нам тогда.
Но наши песни всем несли весну,
о них Магнитка вспоминает,
а сколько душ они спасли в войну —
никто, друзья, не подсчитает.
Бывало — похоронка
застанет у ворот —
но к людям с песней звонкой
ходили на завод.
Ведь наши песни всем несли весну,
о них Магнитка вспоминает,
а сколько душ они спасли в войну —
никто, друзья, не подсчитает.
Мы радости и беды
делили, как могли,
народную Победу
приблизить помогли.
Ведь наши песни всем несли весну,
о них Магнитка вспоминает,
а сколько душ они спасли в войну —
никто, друзья, не подсчитает.

ВЕСНА.

Рис. П. Хныкина.